

# Заключение. Возможно, мир на самом деле вам должен ЖИЗНЬ

Когда речь заходит о более масштабных исторических вопросах, затрагиваемых в этой книге, бóльшая часть существующей экономической литературы по вопросам кредита и банковского дела поражает меня не только своей предвзятостью. Действительно, мыслители вроде Адама Смита и Дэвида Рикардо с подозрением относились к кредитным системам, но уже в середине XIX века экономисты, занимавшиеся подобными вопросами, пытались доказать, что банковская система на самом деле глубоко демократична, хотя на первый взгляд этого не видно. Один из самых распространенных аргументов заключался в том, что она перераспределяет ресурсы от «праздных богачей», которые лишены фантазии, чтобы придумать, куда вложить деньги, к другим людям, «усердным беднякам», располагающим энергией и инициативой для производства нового богатства. Это оправдывало существование банков, но еще и усиливало позиции популистов, которые требовали проведения политики «дешевых денег», защиты должников и т. д., поскольку если настают тяжелые времена, то почему страдать должны одни лишь усердные бедняки, крестьяне, ремесленники и мелкие предприниматели?

На этой основе появился другой довод, состоявший в том, что в Древнем мире главными кредиторами, безусловно, были богачи, но теперь ситуация изменилась. Вот что писал Людвиг фон Мизес в 1930-х годах, приблизительно тогда же, когда Кейнс призывал к эвтаназии рантье:

“ Общественное мнение всегда настроено против кредиторов, отождествляя их с праздными богачами, а должников с трудолюбивыми бедняками. Оно ненавидит первых как безжалостных эксплуататоров, жалеет вторых как невинных жертв угнетения и считает действия государства по урезанию требований кредиторов мерами, крайне выгодными подавляющему большинству за счет незначительного меньшинства бесчувственных ростовщиков. Общественное мнение не заметило, что нововведения капиталистов XIX века полностью изменили состав классов кредиторов и должников. Во времена Солона Афинского, античных аграрных законов Рима и Средних веков кредиторы были в основном богатыми, а должники бедными. Но в эпоху государственных и корпоративных облигаций, ипотечных банков, сберегательных банков, политики страхования жизни,

социальных пособий массы людей с более скромными доходами скорее сами являются кредиторами[881].

Тогда как богатые с их компаниями, функционирующими во многом за счет заемных средств, теперь стали главными должниками. В этом заключается довод «демократизации финансов», и ничего нового в нем нет: когда одни призывают к уничтожению класса тех, кто живет на проценты, всегда найдутся другие, которые выступят против, утверждая, что это разрушит жизнь вдов и пенсионеров.

Сегодня примечательно то, что защитники финансовой системы зачастую готовы обращаться к обоим доводам в зависимости от данных обстоятельств. С одной стороны, «большие знатоки» вроде Томаса Фридмана радуются тому, что теперь у «каждого» есть акция компании «Эксон» или мексиканская облигация, а значит, богатые должники должны отвечать перед бедняками. С другой стороны, Найл Фергюсон, автор книги «Восхождение денег», опубликованной в 2009 году, может по-прежнему называть одним из своих главных открытий то, что

“Бедность не результат эксплуатации бедняков хищными финансистами. Она куда теснее связана с отсутствием финансовых институтов — с недостатком банков, а не с их избытком. Только доступ к хорошо налаженным кредитным сетям может спасти заемщиков от объятий акул-ростовщиков, и только при наличии надежных, с точки зрения вкладчиков, банков деньги могут поступать от праздных богачей к усердным беднякам[882].

Такой настрой господствует в исследовательской литературе. Я стремился не столько напрямую выступить против него, сколько показать, что он постоянно подталкивал нас к тому, чтобы задавать неправильные вопросы. Возьмем этот абзац в качестве иллюстрации. О чем здесь на самом деле говорит Фергюсон? Бедность вызвана отсутствием кредита. Вот если бы у усердных бедняков был доступ к займам от стабильных, уважаемых банков, а не от акул-ростовщиков, или, по-видимому, от компаний, выпускающих кредитные карты, или же от тех, кто дает кредиты до зарплаты под ростовщические проценты, то они смогли бы выбраться из бедности. Получается, что Фергюсона на самом деле заботит не бедность в целом, а бедность лишь некоторых людей, которые усердны и потому не заслуживают того, чтобы быть бедными. А как насчет неусердных бедняков? По-видимому, они могут катиться ко всем чертям (практически в прямом смысле, если следовать многим христианским доктринам). Ну или, может быть, их лодки поднимет нарастающая волна. Но это несущественно. Они недостойны, потому что недостаточно усердны, а значит, то, что с ними происходит, вообще к делу не относится.

Именно поэтому я считаю нравственность долга столь тлетворной: финансовые императивы постоянно пытаются превратить нас против нашей воли в подобие грабителей, которые ищут только то, что можно превратить в деньги, а потом говорят нам, что лишь те, кто готов смотреть на мир глазами грабителя, достойны получать ресурсы, необходимые для обретения в жизни всего того, что не является деньгами. Это извращает нравственность практически во всех сферах. («Списать весь долг по кредитам на обучение? Но ведь это

нечестно по отношению ко всем тем людям, которые годами трудились, чтобы расплатиться по кредитам на обучение!» Как человек, который годами трудился, чтобы расплатиться по кредиту на обучение, и в конце концов это сделал, я уверяю читателя, что в этом доводе не больше смысла, чем в утверждении, что было бы нечестно не позволять тому, кто подвергся побоям, избивать своих соседей.)

Этот довод, возможно, имеет смысл, если вы соглашаетесь с исходной посылкой, состоящей в том, что работа сама по себе добродетельна, поскольку высшей мерой успеха человечества как вида является способность увеличивать мировое производство товаров и услуг на 5 % в год. Проблема в том, что становится всё очевиднее: если мы будем идти дальше по этому пути, мы, вполне вероятно, уничтожим вообще всё. Гигантская машина долга, которая на протяжении последних пяти столетий превращала всё большее количество людей в нравственных аналогов конкистадоров, судя по всему, натолкнулась на свои социальные и экологические пределы. В последние полвека навязчивое стремление капитализма изобретать способы собственного уничтожения вылилось в сценарии, которые угрожают уничтожить заодно и весь мир. И нет оснований думать, что это стремление когда-нибудь сойдет на нет. Главный вопрос сейчас заключается в том, как постепенно изменить ситуацию и начать создавать общество, где люди смогут жить лучше, работая меньше.

Я хотел бы закончить добрыми словами в адрес неусердных бедняков[883]. Они хотя бы никому не причиняют вреда. Проводя свободное от работы время с друзьями и семьей, радуясь жизни и заботясь о тех, кого они любят, они, возможно, меняют мир к лучшему больше, чем мы замечаем. Быть может, нам следовало бы думать о них как о провозвестниках нового экономического порядка, которому не будет присуща наша нынешняя страсть к самоуничтожению.

В этой книге я старался избегать конкретных предложений, но в конце выскажу одно. Мне кажется, что нам давно необходимо что-то вроде отпущения грехов в библейском духе, которое затронет как международные долги, так и потребительские. Это будет благотворно не только потому, что облегчит страдания множества людей, но и потому, что напомним нам, что деньги не священны, что нравственность не основана на выплате долгов, что всё это лишь человеческие установления и что если демократия что-то и означает, то в первую очередь способность всё устроить по-другому. Показательно, на мой взгляд, что со времен Хаммурапи великие империи почти всегда воздерживались от политики такого рода. Афины и Рим подали пример: даже когда они сталкивались с постоянными долговыми кризисами, они принимали законы, исключавшие крайности, смягчали последствия, устраняли очевидные злоупотребления вроде долгового рабства, использовали добытые на войне трофеи для того, чтобы обеспечить дополнительные доходы своим самым бедным гражданам (которые в конечном счете составляли костяк их армий) и поддержать их на плаву, — однако всё это делалось так, что сам принцип долга никогда не ставился под сомнение. Правящие классы в Соединенных Штатах, похоже, придерживаются схожего подхода: устраняют худшие злоупотребления (например, долговые тюрьмы), используют плоды своего имперского положения для выплаты субсидий, очевидных или не очень, основной массе населения; в последние годы манипулируют курсом валют, чтобы обеспечить приток в страну дешевых товаров из Китая, но при этом никогда и никому не

позволяют оспорить священный принцип, гласящий, что все мы должны выплачивать свои долги.

Однако этот принцип оказался чудовищной ложью. Выяснилось, что не все из нас должны выплачивать долги, а только некоторые. Ничто не может быть важнее, чем начать всё с чистого листа для каждого, порвать с нашей привычной нравственностью и начать всё с начала.

Так что же такое долг? Долг — это лишь извращенное обещание. Это обещание, искаженное расчетом и насилием. Если свобода (настоящая свобода) состоит в способности заводить друзей, то она обязательно должна подразумевать и способность давать настоящие обещания. Какие обещания могут давать друг другу поистине свободные мужчины и женщины? Тут нам даже сказать нечего. Вопрос скорее состоит в том, как нам добраться до места, откуда мы сможем это выяснить. И первым шагом на этом пути станет признание, что в самом широком понимании вещей никто не имеет права называть нашу подлинную стоимость, так же как никто не имеет права говорить нам, что мы на самом деле должны.

---

Версия #1

Зверобой создал 27 июня 2025 00:08:36

Зверобой обновил 27 июня 2025 00:08:46